

Сибирское лето

*Нет, не пейзаж влечет меня,
Не краски жадный взор подметит,
А то, что в этих красках светит:
Любовь и радость бытия.*

И. А. Бунин.

Клеверное поле

Отгрохотав,
гроза ушла на север.
Вновь свежий ветер,
солнца мягкий свет.
Как остро пахнет медом
алый клевер,
Что входит в силу, набирает цвет!
Лучится поле, блестками сверкая,
Прохладной,
влажной свежести полно.
Ты приглядись-ка, красота какая:
Все серебристо-красное оно!

А чтобы мир, который блещет ярко,
Еще был ярче, краше и нежней,
Над ним взметнулась
радужная арка,
Горя соцветьем всех семи огней.
Как хорошо,
как радостно до боли
Жить ощущеньем праздничным
одним:
Неугасимо клеверное поле
С теплом лучей
и с радугой над ним!

Перепелка

Опустело на проселке.
Сна глубокого пора.
Только голос перепелки
Не смолкает до утра.

Только ей одна забота:
Всю-то ночь она, как мать,
Непослушного кого-то
Уговаривает спать.

* * *

Ласточки летают высоко.
Весело, стремительно и бодро.
Смотришь — и на сердце так легко,
Значит, завтра снова будет ведро.
Да и кто сейчас ему не рад.
Наши зимы —
чуть ли не по году...
Ясный и безветренный закат —
Тоже на хорошую погоду.

И заране счастья полон взор,
Что увидит завтра утром рано
Луговых полян цветной узор,
Ширь озер под пологом тумана.
И расправит плечи широко
Молодец июнь, вступая в лето.
Вестники тепла, весь день
с рассвета
Ласточки летают высоко.

* * *

Вижу с поля, где роса еще, покой,
Как над берегом таежным, за рекой
Свет широко разливается, растет —
Это небо цветом маковым цветет.
Так цветет оно, что облаку слегка
Подрумянило, как яблоку, бока,
Золотит электролиний провода,
Ускользящих неведомо куда.
От зубчатого штакетника тайги
Тень легла и затемнила полреки.
Тень синее молчаливою водой,
Лес синее — синева над синевой.
Только небо все светлее, все алей,
Только в поле все теплее,

веселей.

От мать-мачехи,
куда ни кинешь взгляд,
Все желтым-желто,
как будто от цыплят.
Вот и солнечный петух,
задорен, смел,
На штакетник на лесной
легко взлетел.
Так и кажется: недаром этот взлет,
Вот сейчас петух побудку запоет!
Загорланит над тайгою, над рекой,
Над землею, изумительной такой,
И никто не удивится в этот миг,
Слыша солнца торжествующего
крик!

* * *

Прямо за околицей дорога
Средь широких пашен и полян
В город недалекий.
Ох, как много
Этот путь позвал к себе селян!

Что ни день—
уходят к новой жизни.
А с заросших сорной травкой гряд
В молчаливой, горькой укоризне
Им вослед подсолнухи глядят.

* * *

На поле пала тень,
Как дума на чело:
Что значит этот день,
Что есть добро и зло?
Зачем растет трава,
Что никнет под косой?
Зачем цветет, жива,
Под солнцем и росой?
...И снова — синева
И жаркий блеск в ответ:

Чтоб новая трава
Могла увидеть свет.
Чтоб дождь на ней блестел,
Как искорка в очах,
Кузнечик свиристел
И лютик не зачах,
Чтоб кто-то здесь прошел,
Весь мир обнять готов,
И под гуденье пчел
Нарвал букет цветов!

* * *

Да, нынче дней засушливых в избытке.
Лучи насквозь все, кажется, прожгли.
И чудится: вот-вот от этой пытки
Послышится печальный стон земли.
И хоть река вблизи течет привольно —
Не веет даже свежестью с реки.
А колоски-то — просто глянуть больно! —
Короткие ребячьи вихорки.
Шуршат хлеба, страдальчески вздыхая.
И жалобна по-детски их тоска.
Что нивы грудь, грудь матери сухая,
Не может дать ни капли молока.

С покоса

Помню: конь трусит устало
По дороге полевой.
Я сижу в телеге старой,
Свесив ноги, как большой.
Едем всех, наверно, позже,
Все уехали давно.
Брат подергивает вожжи
И покрикивает: — Н-но!
Чуть скрипит гужами Карька,
Неторопко семеня.
И болтается дегтярка
Сзади, сбоку от меня.

Теплый вечер цвета пепла
Утвердился на земле.
Даже звездочка ослепла,
Словно искорка в золе.
Одному бы страшновато,
Но, хотя и дальний путь,
За спиной широкой брата
Мне не боязно ничуть.
Вот опять он дернул локтем:
— Н-но!..
Густеет сумрак-дым.
Горьковато пахнет дегтем,
Сладко — сеном молодым.

Змей

...Вот закачался он над крышей,
Кренясь от тяжести хвоста,
Потом все дальше,
 выше, выше,
Туда, где неба даль чиста.
Как высоко квадрат бумажный
Взлетел, оклеенный крестом!
Уже играет плавно, важно,
Как плавником—
 большим хвостом.

А здесь — деревня, лес, лужайка,
Где из высоких сочных трав
Следит за ним ребячья стайка,
Вихры восторженно задрав.
А змей парит,
Как детство, дивный,
Далекий от житейских бурь.
И только грохот реактивный
Бьет, словно в колокол,
В лазурь.

Голос в поле

Не знаю, что за птица,
Но до сих пор со мной
И вечер, весь в зарницах,
И голос птицы той.
Настойчиво, упрямо,
То громче, то слабей
Она все «мама! мама!»
Кричала среди полей.

Уже белесой дымкой
Вокруг роса легла,
А птица-невидимка
Умолкнуть не могла.
Уж неба панораму
Закрыла плотно ночь,
А ей, зовущей маму,
Никто не мог помочь.

* * *

Неисчислима звездная семья.
И, как гласит народное предание,
В том сонме звезд есть где-то и твоя,
Твоя со дня рожденья до скончания.
Живой ее огонь, смотри, не сглазь.
Раз он горит — недаром, видно, тратится...
Узнать бы, для чего звезда зажглась,
Поверить бы, что долго не закатится!

